

25 ОКТ 1977

«ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК»
г. Свердловск

«ДРУЗЬЯ ДУШИ МОЕЙ...»

ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ здание Александровско-Невского собора, олицетворяющее победу русского народа в войне 1812 года. Располагающие к глубокому раздумью, будоражащие воображение уникальные экспонаты, тишина музейных сводов... Здесь, на втором этаже краеведческого музея, состоялся этот творческий вечер. Перед студентами горного, педагогического, архитектурного институтов, университета, библиотечными и творческими работниками дебютировала в Свердловске артистка Московской филармонии Антонина Кузнецова.

В преддверии 60-летия Октября она познакомила слушателей с лирично-тематической композицией, посвященной декабристам.

Немаловажную роль в успехе выступления А. Кузнецовой сыграли общий настрой, навянный обстановкой музея и, в частности, прекрасной выставочной экспозицией «Урал и декабристы», а также вступительное слово научного сотрудника музея, большого знатока дореволюционного прошлого Урала А. Р. Пинус.

Итак, условный зрительный зал. Возвращение, имитирующее сцену. Обыкновенный стул...

«Друзья души моей. Поэты пушкинской поры», — начинает ведущая. Из-за перегородки стремительно выходит Антонина Кузнецова. Она в длинной черной юбке, свободной белой блузе. Цепкий, с каким-то даже вызовом, с прищуром взгляд.

«Что касается Пушкина, — неожиданно влетает под высокие своды ее низкий, богатый оттенками, по-юношески звонкий голос, — то он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, загорались другие самоцветные поэты».

Без перерыва следует полуторачасовая композиция, каждая из трех частей которой отделяется чтницей лишь легким наклоном головы. И мы, словно машины времени, переносимся в далекую, тревожную эпоху и проживаем вместе с Пушкиным, с его такими разными, но близкими друзьями их жизнь.

Через стихи поэтов, читаемые А. Кузнецовой как бы в форме диалога между ними, реже — монолога, с вкраплением документальных эпизодов в виде писем, размышлений, живых бесед, безошибочно, с нарастающей тревогой воспроизводится неровный пульс эпохи. Перед нами, как в калейдоскопе, мелькают живые образы Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Дельвига, Баратынского, Языкова, Давыдова, Кюхельбекера, Грбоедова. Сам Пушкин только расставляет свои яркие акценты, но вместе с тем его дух высвечивается во всем, что бы каждый из его друзей ни делал, ни писал, ни говорил.

Потухла, разбилась вдребезги «зеленая лампа» юности. На смену лицейской лирике, балагурству беззаботной юности пришла политическая и гражданская зрелость. Через души поэтов «прошла великая трещина мира». Тревожное пианиссимо первой и второй частей композиции, соответствующее кануну декабрьского восстания, переходит в мощный трагический финал.

Четкая расстановка логических акцентов в композиции, тонкое ощущение ритмики и пластики стиха, умелое владение подтекстом, отточенность и живость жеста (руки артистки буквально «говорят»), неожиданные переходы от стиха к песне и, наконец, необычайное умение отыскать в материале созвучие своим — а значит, нашим! — чувствам позволили А. Кузнецовой достичь не только глубокой исторической правдивости, но и сказать, на наш взгляд, новое слово в искусстве художественного чтения.

В. ДОЛГАНОВ.